

РЕЦЕНЗИИ

Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность /К.Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. – 418 с.

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное исследование функционирования словосочетаний в речевой деятельности. В ней проведен удачный синтез богатейшего теоретического опыта описания словосочетаний, накопленного в отечественной синтаксической традиции, с новейшими экспериментальными исследованиями речевой деятельности носителей русского языка в плане оперирования словосочетаниями и рефлексии над ними.

«Русская синтаксическая традиция возникла и длительное время развивалась как учение о словосочетании, и традиция эта по существу никогда не прерывалась» [Моисеев 1977: 54]. Это высказывание может быть использовано в качестве эпиграфа к **Главе 1**, носящей программное название «**О природе словосочетания (теория и эксперимент)**».

Обращение автора к проходившей в середине 1970-х годов дискуссии о том, представляет ли словосочетание лингвистический конструкт или относится к реальным единицам языка, является в книге закономерным. Объединяя теорию и психолингвистический эксперимент, К.Я. Сигал показывает, что на современном этапе использование психолингвистических методик позволяет экспериментально проверить, относится ли словосочетание к реальным единицам психолингвистического уровня, а именно к таким «данностям языковой способности, известным психическим образам или аналогичным им образованиям, которые могут быть осознаны носителем языка» [Леонтьев 2006: 72], и что для этого «словосочетание должно быть рассмотрено в перспективе речевой деятельности» (с. 6). Для этой цели автор предлагает психолингвистический эксперимент, поставленный «с целью экспликации метаязыковых представлений о словосочетании и с целью обнаружения прототипа словосочетания в языковом сознании обычных носителей языка (т.е. нелингвистов)» (с. 17).

Эксперимент, проведенный в 2007 г. со студентами I курса Колледжа МИД РФ (51 участник) состоял в том, что каждый получил анкету, где было два задания 1) «Что такое словосочетание?» (дайте его определение) и 2) «Придумайте и напишите любые 3 словосочетания в течение 1 минуты».

Анализ результатов показал, «что прототипический образ словосочетания связан у взрослых носителей языка с субстантивными словосочетаниями в целом» (с. 62), что «шкалу приоритетности составили: согласование > управление > примыкание», что «наряду со стратегией «придумывания» некоторые участники эксперимента использовали и стратегию «припоминания», о чем свидетельствуют отдельные речевые реакции, представляющие собой словосочетания-термины (*файловая система, компьютерная обработка* и др.) и прецедентные словосочетания (*великолепная пятерка, ликвидация безграмотности*)», и что «82,8% реакций собственно словосочетаниями «канонического» типа доказывают закрепление в коллективном языковом сознании за метаязыковой «этикеткой» (термином) *словосочетание* исключительно подчинительных сочетаний слов» (с. 64).

Результаты эксперимента, на наш взгляд, особенно ценны тем, что, с одной стороны, показывают, что генерируя словосочетания, участники задействовали как стратегии «припоминания», так и «придумывания», и с другой стороны, что у всех испытуемых существуют «метаязыковые представления о словосочетании, совпадающие по ряду признаков», то есть, что «словосочетание имеет статус психолингвистической единицы».

Первый аспект ценен тем, что подтверждает теоретическое предположение А.А. Леонтьева о том, что словосочетание является не только единицей «языкового стандарта», но и единицей «языковой способности и языкового процесса» [Леонтьев 2006: 59]. «В свете теории речевой деятельности словосочетание предстает как особая синтаксическая форма (= оперативный формат, используемый при порождении предложения-высказывания) и как лексико-синтаксический штамп (= собственно оперативная единица)» (с. 41). Такой подход открывает широкие возможности для психолингвистического обоснования лингвокреативности, предполагающей смысловую компрессию за счет нестандартного наполнения «языковых стандартов», присутствующих в сознании носителей языка. Например, *гадливая гримаса страдания* (на лице повесившегося) или *лихорадочное небо* (в восприятии человека в жару) из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, определяющие не столько денотат, сколько состояние воспринимающего субъекта.

Второй аспект связан с осмыслением идеи «прототипического образа словосочетания», в качестве которого в результате эксперимента устанавливается субстантивно-адъективные сочетания типа *белый флаг* или *золотое кольцо*. Автор подчеркивает, что, хотя некоторые информанты и приводили примеры сочинительных словосочетаний, в коллективном языковом сознании за термином «словосочетание» закреплены исключительно подчинительные сочетания (82,8% реакций). Вообще, автор пытается избежать обозначения «сочинительные словосочетания» и предпочитает говорить о «сочинительных конструкциях», считая словосочетаниями только конструкции, построенные на подчинительной связи.

В качестве научной дискуссии хотелось бы поставить вопрос о том, в какой степени такая трактовка словосочетания, (впрочем, убедительно поддерживаемая результатами эксперимента с носителями русского языка), является лингвоспецифичной. Понятно, что в таком флективном языке, как русский, сильная маркированность синтаксической связи, присутствующая в конструкциях с согласованием, интуитивно воспринимается как показатель структурного единства. В аналитических языках, например в английском, согласование отсутствует. В некоторых германских языках (немецком, скандинавских) атрибутивным словосочетаниям с относительными прилагательными регулярно соответствуют сложные слова, например, *золотое кольцо* по-датски – это *guldbring*. В скандинавской синтаксической традиции подчинительные словосочетания (гипотагмы) четко противопоставляются сочинительным (паратагмам). И «прототипический образ» сочинительного словосочетания, должно быть, присутствует в языковом сознании носителей этих языков. Об этом свидетельствует присутствие в современном датском языке так называемых синонимических дублетов. Это бинарные сочинительные конструкции, всегда (независимо от их частеречной принадлежности) образующие ритмическое, а часто аллитерационное (идущее еще от древнегерманского аллитерационного стиха) или рифмованное единство: *fyr og flamme* досл. ‘огонь и пламя’ (в значении «страстная увлеченность»), *først og fremmest* досл. ‘первое и ближайшее’

(в значении «прежде всего»), *kort og godt* досл. ‘коротко и хорошо’ (в значении «коротко и ясно»), *vende og dreje* досл. ‘поворачивать и вращать’ (в значении «обсуждать со всех сторон»). Хорошо известно, что падение реляционных показателей синтаксических связей усиливает значимость позиционного синтаксиса. Поэтому в скандинавских языках также возрастает значимость структурирования многокомпонентных словосочетаний. Можно даже говорить о наличии «синтагматического менталитета», различающего такие близкородственные языки как датский и шведский по принципу *дистантность vs. контактность* ближайших синтаксических связей и определяющего некоторые существенные различия в структурировании синтаксических групп, многокомпонентных сложных слов и даже расхождения в тенденциях орфографического нормирования [Никуличева 2000].

Глава 2 «Метаязыковое осознание словосочетаний во внеэкспериментальных условиях» построена на обследовании контекстов НКРЯ, где употреблено понятие «словосочетание». На основании наблюдения о том, что «единой металексемой *словосочетание* рядовые носители языка охватывают весь спектр словосочетаний, функционирующих в речи и имеющих в метаязыке лингвистики автономные терминологические обозначения (ср., например, *свободное словосочетание, лексически / синтаксически несвободное словосочетание, фразеологическое сочетание, терминосочетание* и т. д.) делается вывод, что «в обыденной метаязыковой рефлексии активно действует тенденция к гиперонимической метаязыковой категоризации словосочетаний» (с. 111).

Глава 3 «О синтаксической форме словосочетания» посвящена аналитическому обзору наиболее значимых, «поворотных» представлений о синтаксической форме словосочетания, которые сложились в русистике после Ф.Ф. Фортунатова, стоявшего у истоков формального синтаксиса и поместившего в фокус синтаксического анализа не что иное, как словосочетание.

В **Главе 4 «Является ли свободное словосочетание естественной категорией?»** постулируется многоаспектный подход к определению свободного словосочетания. В рамках теории речевой деятельности К.Я. Сигал солидаризируется с С.Г. Тер-Минасовой, в том, что «свобода словосочетания принадлежит к градуальным понятиям, поскольку в речевом узусе используются в разной степени свободные словосочетания, тогда как модели, по которым они образуются в речи, абсолютно свободны» (с. 156).

Особый интерес в **Главе 5 «О двух типах обязательных атрибутивных компонентов»** представляет анализ синтаксически неразложимых субстантивно-адъективных словосочетаний типа *женщина с миловидным лицом* или *расхохотаться страшным смехом*, предполагающих вследствие семантической неполноты зависимого существительного обязательный атрибутивный компонент.

«Экспериментальное исследование речевой организации сложных словосочетаний» продолжено в **Главе 6**. В ее теоретической части проанализированы используемые в русском языке приемы симплификации сложных словосочетаний структуры Adj. + (Adj. + N) (с. 199–202). К таковым автор относит: 1) образование сложного имени прилагательного из двух соподчиненных адъективных компонентов: *темно-металлический кувшин*; 2) образование наречия на -о от дистантно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента (качественного прилагательного): *неестественно праздничное настроение*; 3) образование деадъективного имени существительного от одного из неинициальных соподчиненных адъективных компонентов (чаще всего от контактно-препозитивного): *в голубой беспредельности неба*; 4) сокращение соподчи-

ненного адъективного компонента *маленький* (или его синонима) за счет образования диминутивного производного от детерминирующего субстантивного компонента: *В тесном маленьком коридорчике*; 5) образование на основе детерминирующего субстантивного компонента и контактно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента производного имени существительного путем универбации: *темная сырая одиночка*; 7) вынесение одного из соподчиненных адъективных компонентов (как правило, дистантно-препозитивного) за пределы синтаксических границ сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N) в правый контекст с целью актуализации обозначаемого им признака: *В татарском городке, тогда еще совсем маленьком*; 8) замена «ядерного» словосочетания N + Adj. синонимичным ему словосочетанием N + N2: *на главных площадях и улицах столицы*; 9) сочинительная синтаксизация, сокращающая количество членов соподчиненного ряда в сложных словосочетаниях с тремя или более адъективными компонентами: *несколько нарядных и юных тоненьких девиц*.

В экспериментальной части главы эксплицированы лингвистические факторы, обуславливающие предпочтение информантами однородных определений неоднородным (и наоборот) при вторичной организации сложных словосочетаний модели Adj. + (Adj. + N) и (Adj. + Adj.) + N. В анкете для эксперимента испытуемым были предложены 18 высказываний с лексико-синтаксической лакуной указанной разновидности *K + K*, *O + O*, *K + O*, *O + K* и к каждому из них по два варианта заполнения лакуны, внешне различающиеся только наличием или отсутствием разделяющего пунктуационного знака – запятой – между определениями-прилагательными. Экспериментальное задание было представлено испытуемым как собственно пунктуационное, и эксплицитно дана ориентировка на смысловой принцип пунктуации. В качестве испытуемых выступили студенты I курса Колледжа МИД РФ (всего 49 чел.). Вторая часть эксперимента проводилась два месяца спустя в той же самой студенческой аудитории, что и первая. От испытуемых требовалось выбрать взаимопорядок соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава в сложных словосочетаниях Adj + (Adj + N).

Анализ эксперимента показал, что с максимальной частотностью (по 100%) воспроизводятся взаимопорядки «размер + цвет» и «цвет + материал», что свидетельствует об отображении в них типичного направления последовательной субкатегоризации. Делается вывод о том, что предикативные многокомпонентные подчинительные конструкции Adj. + (Adj. + N) принципиально не являются номинативными единицами. Они «создаются в ходе сложного взаимодействия смысловой интенции говорящего / пишущего, связанной с выражением вторичной субкатегоризации предметной сущности» (с. 239).

В Главе 7 на материале субстантивно-адъективных словосочетаний обсуждается «**Эллипсис как речевой процесс**». Независимо от того, как лингвист представляет эллипсис (опущение, усечение, сокращение, предпочтение неполного варианта полному или как-то иначе), ставится задача понять, какие операции и какие условия требуются для его осуществления. Различается Эллипсис I и Эллипсис II. «Эллипсис I возникает в субстантивно-адъективных словосочетаниях, создаваемых *ad hoc* с опорой на такой предшествующий субстантивный компонент – в аналогичном по модели словосочетания или вне его, – который лексически дублируется в эллиптированном главном компоненте субстантивно-адъективного словосочетания»: *Чужая душа – потемки, а кошачья и подавно...* (с. 245). «Эллипсис II охватывает те субстантивно-адъективные

словосочетания, которые извлекаются говорящим / пишущим из внутреннего лексикона (= из памяти) и которыми принято оперировать не только в целостном виде, но и в усеченном: *На меня наградной написали. На «Отечественную»... – <лист>* (с. 249).

Глава 8 носит заглавие «Дислокационно-компрессивная метонимия в сфере субстантивно-адъективных словосочетаний». По определению К.Я. Сигала, «Дислокационно-компрессивная метонимия представляет собой такой тип вторичной синтаксической метонимии, при котором компонент, отделяясь от целостной конструкции, смещается вверх по дереву синтаксической зависимости и ближе к началу линейно-речевой структуры предложения-высказывания, а «остатки» этой некогда целостной конструкции сокращаются. Образованная посредством дислокационно-компрессивной метонимии новая целостная конструкция – субстантивно-адъективное словосочетание – характеризуется «расхождением между грамматической и семантической зависимостью прилагательного» (с. 256). В качестве примера приводится предложение: *Как показали результаты опытов, больные с поражением передних отделов речевых зон резко отличались от больных с поражением теменно-затылочных отделов коры. У «передних» больных ошибки носили чисто синтагматический характер.*

Не вполне понятно, почему это явление не включается в тему эллипсиса, рассмотренную автором в предыдущей главе. Синтаксическое стяжение представлено во многих синтаксических моделях, например, *девочка с большими глазами > большеглазая девочка*. Семантическое стяжение усиливается за счет пропуска второстепенных семантических компонентов, восстанавливаемых из контекста, что типично для эллипсиса. Происходит компрессионное стяжение смыслов ключевых слов. Не стоит также забывать, что понимание ключевых слов – это основа процедуры понимания текста. В целом представляется, что тенденция использовать устоявшиеся в лингвистике термины (типа метонимии) в нетерминологическом употреблении может привести к размыванию термина и смысловой нечеткости.

Глава 9 «Об интеграции словосочетания» посвящена трансформации словосочетания в сложное слово. В смысловой структуре книги она не играет существенной роли в силу малой значимости этого явления для русского языка в отличие, например, от германских языков. Отмечается, что «интеграция более характерна для русских словосочетаний со связью примыкания, при которой взаимоприспособляемость между компонентами может быть равна нулю» [Милославский 1977: 58], как, например, в прилагательном *быстрозводимый*.

Особый интерес в психолингвистическом плане представляет **Глава 10 «Смысловое восприятие свободного словосочетания вне контекста»**. Экспериментальное исследование, описанное в этой главе, направлено на обнаружение психолого-речевых стратегий, обеспечивающих смысловое восприятие окказиональной реализации модели словосочетания V + N4 с метафорическим глагольным компонентом. Эксперимент был проведен в Колледже МИД РФ среди студентов 1-го курса в 2012 г. Его процедура состояла в следующем: после предъявления испытуемым свободного словосочетания с метафорическим компонентом *исповедовать огород* каждый из них в своей индивидуальной анкете письменно отвечал на два вопроса: 1) Как Вы понимаете это словосочетание? и 2) Кто, по Вашему мнению, мог его употребить?

Приведем два наиболее типичных ответа: 1. «*В моем понимании, исповедь – это очищение. В церковном лексиконе употребляется в значении очищения души от мирских*

грехов. Следовательно, исповедовать огород – значит приводить его в нормальный вид, очищать от сорняков». 2. «Употребить это словосочетание мог внук бабушки, заядлой огородницы, вероятно, в споре: «Да ты ничего не понимаешь! Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!» (с. 286).

Эксперимент интересен тем, что убедительно демонстрирует, что понимание – это всегда введение во внутренний контекст. Очевидным становится различие фонового знания и опыта информантов. Общий вывод главы заключается в том, что «при смысловом восприятии адресат оперирует свободным словосочетанием как относительно автономной сложной структурой и что вне контекста оперирование свободным словосочетанием носит вариативный характер» (с. 291).

Глава 11 «Прагматическая ценность синтаксических синонимов» посвящена доказательству тезиса о том, что полных синтаксических синонимов не существует. «Каждая поверхностная языковая структура имеет свою собственную глубинную структуру, психологическую, когнитивную. Синонимичные языковые структуры в потоке речевой деятельности появляются... одна вместо другой. Причем это происходит не случайно, не по произволу говорящего, а по предписанию думающего, в полном соответствии с тем, что совершается на уровне довербального кода: выбора как такового нет, он предрешен» [Шахнарович 2001: 669–670]. На примере употребления словосочетаний *запах жасмина* и *жасминный запах* из рассказа А.П. Чехова «Тина» автор иллюстрирует примерно ту же мысль, которую ранее высказывал А.М. Пешковский: «При словах *кольцо из золота* мы представляем себе два предмета, совершенно отдельные: *кольцо* и *золото*, ... При словах же *золотое кольцо* мы представляем себе только один предмет – кольцо, а о золоте как об отдельном предмете не думаем [Пешковский 2001: 81].

В Главе 12 проводилось «Экспериментальное исследование лексической структуры словосочетания». Исследовались ограничения, накладываемые лексической семантикой в рамках атрибутивного словосочетания. Эксперимент проводился со студентами МГГУ им. М.А. Шолохова в 2005 г. Для 1-й серии эксперимента было предложено семь конкретных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Водоемы»: *ручей, болото, море, пруд, озеро, река, океан*; для 2-й серии эксперимента – пять абстрактных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Протяженность»: *высота, глубина, длина, толщина, ширина*. Требовалось дать по 5 атрибутивных словосочетаний. Анализ результатов эксперимента показал, что: 1) существительные (в особенности конкретные) гораздо в большей степени предсказывают семантический тип и лексическое выражение признака в том или ином зависимом прилагательном, а прилагательные обладают меньшей предсказующей семантической силой по отношению к существительным (с. 342); 2) среди реакций на стимулы, относящиеся к одной и той же тематической парадигме, встречаются одни и те же слова (т.е. лексемно совпадающие реакции) 3) атрибутивная валентность абстрактных существительных в большей степени способствует проявлению в речи креативного потенциала словосочетания (ср. *активная высота, нитеподобная длина, пустая ширина*); 4) структурная схема атрибутивных словосочетаний N + Adj. является в высшей степени продуктивной, а реализующие ее конкретные словосочетания – скорее производимыми, чем воспроизводимыми структурами. Среди реакций на всех этапах обеих серий эксперимента преобладают единичные и при этом мало высокочастотных реакций.

В Главе 13 «О лексикализации словосочетаний» исследуются словосочетания с однокоренными компонентами, образованные по схеме V + Adv. (*ревмя реветь, ливмя лить(ся), сидмя сидеть* и др.). Устанавливается, что они «являются в значительной степени лексикализованными, так как их круг предельно ограничен и не пополняется новыми одноструктурными образованиями» (с. 348). Лексикализация словосочетаний называется продуктивным языковым (и, вне сомнения, когнитивным) процессом, отражающим тенденцию в речемыслительной деятельности говорящего / пишущего к мнемическому обособлению моделей словосочетаний (с. 353).

В Главе 14 «Прецедентное словосочетание в речи: генезис и употребление» прецедентные словосочетания определяются как словосочетания, которые «связаны с классическими текстами национальной культуры, несут на себе культурную коннотацию цитатности и ощущаются носителями языка как подчеркнуто-воспроизводимые» (с. 355). В главе предпринята попытка осмыслить явление прецедентности в сфере словосочетаний на материале одного конкретного прецедентного словосочетания – *скупая мужская слеза*, восходящего к рассказу М. Шолохова «Судьба человека» (1956 г.).

Глава 15 «О речевой феноменологии словосочетания» носит обзорный характер. В ее рамках рассмотрены такие явления, как синтаксическая контаминация, синтаксическая свертка словосочетания, сдвиг в рамках словосочетания от переходности к непереходности и модальный синтаксис словосочетания.

Синтаксические контаминации «возникают в процессе речи, когда говорящий, формулируя мысль, опирается на определенную конструкцию, а затем отходит от нее и как бы соскальзывает на другую, тождественную или близкую первой. Ср.: *неправильное поднять тост < поднять бокал + предложить тост*» (с. 364). Контаминация словосочетаний принадлежит к такого рода речевым образованиям, мотивированность которых может иметь более глубокие основания, чем стилистическое задание, и является «естественным» инструментом анализа психолингвистического механизма производства vs. воспроизводства словосочетания в речи.

Модальному синтаксису, по замыслу Г.Я. Солганика, который выделил это направление и предложил обозначающий его термин, надлежит изучать то, как на всех уровнях синтаксического механизма отображается фигура говорящего / пишущего и как в синтаксической организации речи (от словосочетания до текста) преломляется его Я, субъективная модальность [Солганик 2010]. Рассматривая использование модальных слов внутри словосочетаний типа: *вялый молодой человек со стройной, впрочем, фигурой...* или *На виске у него был шрам, очевидно – от пули*, К.Я. Сигал приходит к выводу, что «говорящий / пишущий оперирует словосочетанием так, как если бы оно не было готовой к употреблению структурой, стремясь выразить в форме словосочетания новые, в частности, субъективно-модальные, значения» (с. 389).

В **Заключении** автор подводит основные итоги и подчеркивает основные выводы о том, что словосочетание то производится, то воспроизводится в речи; что в сфере словосочетаний представлены разные типы воспроизводимости, что развертка словосочетания в речи организована не только в синтаксическом, но и в лексическом плане и что семантика словосочетания в речи вбирает в себя не только значения компонентов и смысловые отношения между ними, но и смысловые «приращения», обусловленные тем, как и из какого номинативного материала было построено словосочетание, каков синонимический потенциал словосочетания, были ли применены трансформации при

его создании, каковы дискурсивные связи словосочетания, какие знания о мире и установки способствовали развертке словосочетания.

Книга К.Я. Сигала иллюстрирует новую ступень в развитии теории словосочетания, объединяя широчайший спектр теоретических проблем с тщательно верифицированным и доказательным психолингвистическим экспериментом. Исследование представляет глубокий интерес не только для русистов, специалистов в области синтаксиса, но и для лингвистов-когнитологов, изучающих соотношение языка и мышления.

Литература

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. 3-е изд. М.: УРСС, 2006. 243 с.

Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производного слова // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 53–61.

Моисеев А.И. Некоторые вопросы теории словосочетания // Филологические науки. 1977. № 2. С. 54–60.

Никуличева Д.Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. Контрастивный анализ. М. – СПб.: БСК, 2000. 400 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.

Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта, 2010. 132 с.

Шахнарович А.М. Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 727 с.

Д.Б. Никуличева,
д.ф.н., проф., г.н.с. Института языкознания РАН